

Культура малочисленных этносов: проблемный анализ и ноосферный синтез

На основании результатов комплексного этнологического и социально-психологического исследования в регионах южной части Западной Сибири рассматривается кризисное состояние взаимодействия коренных малочисленных этносов с доминирующим обществом. Описаны феномены деградации традиционных ценностей, их инверсия, а также проявления гиперкомпенсаторных форм адаптации представителей малочисленных этнических групп, явления нарушения баланса активации полушарий мозга и смены асимметрии. Предлагается при управлении процессами взаимодействия малочисленных этносов и этнического большинства населения, равно как и их взаимной адаптации, учитывать устойчивые архетипические особенности взаимодействующих сообществ, их психологическую зрелость и частотные показатели асимметрии мозга. В контексте исследуемых проблем проявляются признаки ноосферной направленности формируемой синтетической культуры и практики. Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 15-01-18098).

Ключевые слова: коренные малочисленные этносы, трансформация ценностей, асимметрия мозга, архетипы, ноосфера, синтез культур.

THE CULTURE OF ETHNIC MINORITIES: PROBLEM ANALYSIS AND SYNTHESIS OF NOOSPHERIC

The critical condition of the South-West Siberia indigenous ethnic groups and the dominant society interaction was considered on the basis of multidisciplinary ethnological and socio-psychological research. The paper describes the phenomena of traditional values degradation, their inversion, as well as indigenous peoples representatives' hyper-compensatory forms of adaptation, the phenomenon of imbalance activation of the cerebral hemispheres and the brain asymmetry change. It's proposed to take into account the interacting communities' archetypic features, their psychological maturity and indicators of brain asymmetry while managing the interaction between ethnic minority groups and the dominant society, as well as their mutual adaptation. Such context of the problems, this paper discusses, shows the signs of noosphere orientation of synthetic culture and practice which currently forming and developing. The research provided this paper with the basic data has received the financial support from Russian Foundation for Humanities (Project № 15-01-18098).

Keywords: small indigenous ethnic groups, transformation of values, the asymmetry of the brain, the archetype, the noosphere, the synthesis of cultures.

Сведения об авторе

Евгений Семёнович Гольдшмидт,
кандидат биологических наук, доцент кафедры
психологии образования
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово
Тел.: +7 (913) 301 98 31
E-mail: goldschmidtes@yandex.ru

Evgeniy S. Goldschmidt
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department Psychology of
Education, Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia
Tel.: +7 (913) 301 98 31
E-mail: goldschmidtes@yandex.ru

Малочисленные народы издавна являлись естественной составляющей многонационального поликультурного пространства России, равно как и важным поставщиком творческого потенциала в виде культурных смыслов, идей, особого мировоззрения и разнообразных культурных традиций. В результате длительного исторического взаимодействия славянского большинства населения страны с другими народами Россия сформировалась как сложная цивилизация со множеством самобытных этнических культур, находящихся в непрерывном процессе взаимного влияния, обмена, культурного синтеза. В этом, по мнению многих исследователей, аналитиков, мыслителей, кроется существенное преимущество российской цивилизации, су-

мевшей создать и на протяжении длительного времени поддерживать межкультурный диалог в пространстве не только публичного (политического), но и, что особенно важно, повседневного дискурса. Академик Д.С. Лихачев, к примеру, считал, что Россия выполнила историческую культурную миссию, объединив в своем составе более двухсот народов [1]. Российский опыт межкультурного синтеза представляет значительный интерес, по существу являясь своего рода уникальной моделью интеграции народов и культур в единое полиэтническое и поликультурное пространство.

В то же время в различные периоды своего развития отношения между этническим большинством населения страны (в основном славянского происхождения) и национальными меньшинствами часто носили кризисный характер. По целому ряду признаков можно считать, что один из таких периодов продолжается и в настоящее время. Обусловлен он, в первую очередь, актуальными глобальными вызовами, процессами культурной, экономической и политической глобализации, а также либерализацией в сфере социально-экономических отношений и самих жизненных укладов населения мира. В современных условиях для малочисленных этносов остается исключительно мало возможностей практиковать исконные культурные традиции, сохраняя их в «чистом», нетронутым виде. На этом фоне сегодня усиливаются тенденции интенсивного поглощения малочисленных народов со стороны доминирующего поликультурного общества, что вполне можно считать «объективным», возможно, необратимым процессом, сопровождающимся секуляризацией культуры, рационализацией мировоззрения, перестройкой основ жизненного уклада.

Реализуясь в системе непрерывного взаимодействия этнического большинства и групп малочисленных этносов, данные процессы оказывают одинаково существенное влияние как на группы численного меньшинства, так и само

большинство, поскольку эти процессы не соответствуют глубинным, архетипическим моделям. И, несмотря на наличие значительного числа различных законодательных актов и программ, направленных на поддержку малочисленных народов, сегодня признаки их кризисного положения отчетливо видны.

Иллюстрацией к сказанному выше вполне могут служить результаты некоторых исследовательских проектов, выполненных на территории Южной Сибири с участием авторов настоящей работы и направленных на оценку современного положения локальных групп коренных малочисленных народов – шорцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, теленгитов, тувинцев-тоджинцев [2]. Проведенные исследования в целом подтвердили, что обследованные сообщества коренных малочисленных этносов сегодня недостаточно интегрированы в культурное пространство современного российского общества (учитывая его существенное «европоподобие»), в экономику страны, её политический процесс. Эти сообщества находятся в целом на той же стадии развития отношений с государством, цивилизацией, что и население любых окраинных регионов, безотносительно к его этническому составу. По этим причинам к данному рода сообществам не имеет смысла применять «стандартные» подходы в части оценки их деятельности, традиций, здоровья, путей развития и способов адаптации к культуре доминирующего общества.

Традиционные формы культуры, образа жизни, хозяйствования многими сообществами коренных малочисленных этносов практически утрачены, хотя в ряде случаев сохраняются отдельные элементы ценностей, культурных практик, социальных структур. При этом сохраняющиеся элементы традиционного культурного облика, переносясь в область этнополитического дискурса, нередко служат основой для конструирования нового имиджа малочисленных народов, а также задают основу для инструменталистского подхода национальных элит к реализации своих политических целей. Такого рода дискурс часто носит весьма острый, в определенной степени даже конфликтный характер, который наиболее отчетливо проявляется, к примеру, в ситуации конфликтов малочисленных этнических групп и доминирующего общества вокруг вопроса о нарушении прав аборигенов на беспрепятственную практику традиционного природопользования, на сохранение их исконной среды обитания и т.д. Очевидно, что во многих случаях декларируемые в данном контексте традиционные ценности не соответствуют глубинному эмоциональному содержанию, которое разделялось бы основной частью коренного населения. Причина этого в том, что среди его представителей

Сведения об авторе

Владимир Валерьевич Поддубиков,
кандидат исторических наук,
зав. лабораторией этносоциальной
и этноэкологической геоинформатики
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово
Тел.: +7 (904)372-16-97
E-mail: poddub@gmail.com

Vladimir V. Poddubikov
Candidate of Historical Sciences, Head of Laboratory
Ethno-social and Ethno-ecological Geoinformatics,
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
Тел.: +7 (904)372-16-97
E-mail: poddub@gmail.com

практически утрачено понимание культурных кодов или даже они сами. По сути, в этом и видится основная причина того маргинального в культурном отношении состояния, в котором на сегодняшний день пребывает большинство локальных групп коренных малочисленных этносов мира.

Вариантов выхода из данной ситуации всего два. Один – усиление степени изолированности от «большого» общества путем актуализации различного рода культурных дистанций и дальнейшего самостоятельного развития на территориях традиционного проживания (любые варианты резервативного подхода, по примеру некоторых стран: Северной Америки и Австралии). Другой вариант – запуск продолжительной во времени программы культурного синтеза и бесконфликтной интеграции сообществ малочисленных этносов в единое (для всего государства) культурное, социально-экономическое и политическое пространство с максимально возможным сохранением «своего лица». Именно в последнем направлении, как видится авторам настоящей работы, у России, её общества и государственной системы есть существенный исторический опыт и необходимый потенциал будущего развития.

Полноценное и даже просто объёмное восстановление «старой» традиции, по-видимому, невозможно, т.к. уже почти нет её прямых носителей. Трансформация традиционных форм культуры малочисленных народов, интенсивно протекающая не мене полутора последних столетий, ведёт или уже привела к изменению ценностной структуры, и даже её заметной «инверсии» [3], равно как и к гиперкомпенсаторному поведению, мифологизации на тему основ культурной отличительности и традиционного образа жизни. Здесь, прежде всего, имеются в виду следующие аспекты современных трансформаций:

а) **деградация традиционно-культурных ценностей** (распад их структуры, кластеризация, примитивизация) ведёт к стрессу, хронической дезадаптации, эмоциональному выгоранию и различным девиациям (аддиктивное и делинквентное поведение), что связано с избыточной активностью правого полушария (ПП) и неэффективностью регуляторных, когнитивных механизмов левого полушария (ЛП) [4]. Нечто подобное в историческом контексте мы видим у североамериканских индейцев, славян (россиян) и даже у финнов. Для её описания можно попытаться использовать концепцию «незавершённой адаптации» [5];

б) **инверсия ценностей** проявляется в отказе от национальной культуры и в переходе в культурное пространство большинства с активизацией ЛП-механизмов. Часто наблюдается сознательное использование традиционных

форм жизнеобеспечения старшим поколением с целью заработать средства и направить детей учиться «в город», чтобы они никогда уж не вернулись к «старой» жизни. Здесь мы видим практически полное сходство с ситуацией вокруг «новых русских» 90-х годов и либеральной элитой современной России.

в) **необходимость гиперкомпенсаторного поведения** путём конструирования и укоренения мифологических образов коренных малочисленных народов как «детей природы», адептов гармонии и равновесия с природой, «естественного» развития, а «жертв» цивилизации определяется в основном потребностью в социально-культурной, этнической идентификации при объективной неспособности этого достичь. Кроме того, этому иногда способствует государственная политика, медиа-пространство, позиции отдельных учёных.

Учитывая вышесказанное, к малочисленным этносам не применимы традиционные социальные, медицинские и другие меры профилактики стрессов и девиаций, разработанные с учетом особенностей ЛП-сообществ, на основе «западных» подходов.

Равноправное взаимодействие между «европоподобной» и «традиционной» (природно-ориентированной, ориенталистской) культурами (включая государственный, публично-общественный и повседневно-бытовой уровни дискурса) невозможны, поскольку функционально и социально-психологически они относятся к различным моделям, фазам жизненного цикла личности (субъекта деятельности).

Традиционные культуры можно было бы отнести в социально-психологическом смысле к стадии психологической зрелости «ребёнка» 3–5–7 лет (по Стивенсу). Разрушение, распад этой стадии зрелости (или её несформированность) перемещают систему на предыдущую стадию «малыша, младенца» с возрастом 0–3 года [6]. Последствия этого хорошо видны в ситуациях с локальными группами коренных малочисленных этносов Южной Сибири.

Бизнесмены, технические руководители, промышленники и администраторы достаточно часто соответствуют психологической стадии развития «подросток» (10–12–15 лет). Различные инициативные группы, волонтеры, учёные, более всего соответствуют возрасту «юноша» (15–19 лет и более), а многие руководители различных госструктур могут соответствовать возрасту «взрослых».

При этом следует иметь в виду, что уровень культурно-социально-психологической зрелости «традиционных» сообществ или их отдельных представителей, может на самом деле быть и выше, чем у упомянутых страт «большого общества». Но даже если это так, то отношения с такими сообществами, народностями и

культурами ещё более усложняются, становятся неоднозначными, во многом потенциально конфликтными.

В контексте отмеченных выше социально-психологических особенностей субъектов межкультурного взаимодействия в системе «малочисленные этносы – доминирующее общество» важно отметить, что для эффективного (равноправного) диалога необходимо учитывать уровень зрелости групповых лидеров, рядовых членов и всего сообщества-участника, чего модно достичь, к примеру, путём создания специальных «переговорных» (медиаторных по современной терминологии).

Учитывая важность обмена между малочисленными этносами и доминирующим обществом, их культурными системами, а также необходимость в современных условиях выхода на уровень синтеза, интеграции культур, можно говорить о необходимости как усвоения меньшинством элементов доминирующей в обществе культуры, так и, наоборот, – об усвоении этническим большинством элементов культуры малочисленных этносов. В последнем случае можно опираться на энтузиастов, активистов национальных общественных организаций малочисленных этносов, которые знают и могут использовать элементы «традиционных» культур народов России, могут руководить «постановочными» реализациями национальных проектов, воссоздавать или использовать такие традиции в своей жизни, корректно и эффективно осуществлять их презентацию в пространстве доминирующего общества.

К уже сказанному можно добавить высокую значимость интеграции в современную российскую культуру, экономику, социальную сферу, медицину, образование тех достижений, которыми богаты многие национальные культуры малочисленных народов. «Традиционные» культуры несут много того, что давно и прочно забыто, а иногда и полностью утрачено «западными», рационалистическими культурами. В этом смысле одним из наиболее важных аспектов традиционно-культурного знания могут быть признаны принципы и практики сбалансированного, природосообразного (ноосферного) варианта хозяйствования. Важность такого отношения к природе обуславливается ещё и тем, что территория современной Сибири и Дальнего Востока многократно подвергалась интенсивной миграции с запада, а значит, её заселяли «чужаки», не обладающие на генном и культурном уровне необходимыми механизмами адаптации [5]. Ситуация обостряется недавней историей, когда сюда ссылались уголовники, военнопленные, работали лагеря ГУЛАГа, приезжали мобилизованные рабочие.

Очевидно, что у коренных малочисленных народов существуют механизмы, позволяющие

им эффективно адаптироваться и действовать в местных природно-географических условиях. Наличие архетипического резонанса со своей территорией даёт интуитивное понимание связи со своими корнями и ощущение **неслучайности линии развития. Устойчивая связь с глубинными архетипами национального характера – залог устойчивого развития.** Примерами могут служить Индия или, например – Япония, которые следуя собственному пути, в наше время интенсивно включаются в мировые культурные, политические и экономические процессы, сохранив и интегрируя при этом внутренние архетипы [7].

Архетипические особенности характера, укоренённые в национальном психотипе, являясь необходимым компонентом мировой культуры, не могут быть утрачены, коль скоро народ продолжает составлять единство в рамках природы и устойчивых отношений с соседями. Учитывая различные индивидуальные и национально-групповые пути развития, можно рассмотреть несколько возможных вариантов эволюции коренных малочисленных народов в условиях взаимодействия с доминирующим обществом, его культурой и политэкономической структурой:

а) возврат к традиционному образу жизни или его упрощённому утрированному, специализированному варианту, что наблюдается в отдалённых поселениях, где не так сильно выражено давление цивилизации;

б) демонстративная, конъюнктурная реализация (восстановление, «развитие») традиций, формирование сигнальных брендов, демонстрация неповторимости и её последующая коммерциализация;

в) полная ассимиляция в «доминирующую» цивилизацию;

д) альтернативная деятельность в отдельных сферах цивилизации (шаманы, ремесленники, работники природоохранной и сельскохозяйственных сфер и т.д.).

Крайне важно изучать зарубежный опыт в данной сфере, например – интеграция финнов в культуру Европы, синтез культур, религий и медицины на Кубе, опыт северо-американских индейцев, австралийцев, новозеландцев, и т.д.

В связи с этим совершенно необходимо изменение политики в отношении воспитания, образования и медицины в среде малочисленных народов. Все внешние влияния, воздействия должны строиться с учётом их культурного, психобиологического, архетипического своеобразия. Крайне необходимо раскрытие творческого потенциала представителей коренных малочисленных народов, людей с уклоном в иррациональное, природное, архетипическое, мистическое, ноосферное мышление.

Необходимо создавать систему поиска, воспитания, образования, продвижения и поддержки на государственном уровне талантов из

числа коренных малочисленных народов, которых можно готовить и в направлении реализации программ с нацменьшинствами.

Можно также отметить, что современные исследователи и педагоги отмечают тлетворное влияние жёсткой, формальной логики, преподаваемой в учебных заведениях, на процессы мышления (особенно – творческого, инновационного) и даже на психику в целом. Все чаще звучат призывы обратиться к мифологическим, религиозным моделям и альтернативным логическим системам [8]. Примером здесь могут выступать и троичная (синергетическая, холистическая) логика Святой Троицы, и многозначная логика И-Цзина, и сказочные варианты логики, являющиеся по сути – ПП-логиками. Введение новых ноосферных принципов в систему образования позволило бы осуществить тот цивилизационный прорыв, про который сегодня много говорится, но явно недостаточно делается.

Необходима программа развития сети национально-культурных центров, в которых каждый желающий мог бы получить не толь-

ко необходимую информацию, но и обучиться народным ремеслам, заняться научными исследованиями, традиционными видами деятельности и т.д. Такие центры могут быть с религиозным, духовным уклоном или вообще, как центры преимущественно народного, практического знания.

Меры по восстановлению и конструированию культуры, традиций, культурных кодов коренных малочисленных народов должны строиться с учетом возможностей их встраивания в культурно-экономическое пространство государства, перспектив развития эксклюзивных видов деятельности, как например – туристические программы, со специфическими элементами (тропа йетти, познавательные маршруты, сафари и т.д.), «шаманистские» праздники, компьютерные игры с культурно-историческим уклоном. В таком виде культурные коды превращаются в бренды, делающие возможным распространение их в масштабе страны, мира и способствующие бизнесу и активному экономическому развитию.

Литература

1. Лихачёв Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000 — 440 с.
2. Поддубиков В.В. Коренные малочисленные этносы России: феномен навязанной социокультурной модернизации и его последствия (на примере Алтае-Саянского региона) /Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». – Издательство: Курганский государственный университет (Курган) – 2012. – С. 246–249.
3. Поддубиков В.В. Коренные народы на пути устойчивого развития: традиционное природопользование и проблемы сохранения природно-культурного наследия (опыт Алтае-Саянского экорегиона) / В.В. Поддубиков // Современ. исслед. соц. проблем. – 2012. – № 3. – С. 61–69.
4. Гольдшмидт Е.С. Особенности функциональной асимметрии мозга у учащихся в зависимости от социально-педагогических условий: автореф. дисс. канд. биол. наук / Томский государственный университет. – Томск, 2005.
5. Чухрова М.Г. Психическое здоровье коренного населения Восточного региона России / В.Я. Семке, М.Г. Чухрова, Н.А. Бохан [и др.]. – Томск; Новосибирск: ООО «Альфа Виста», 2009.
6. Стивенс Хосе. Приручи своих Драконов. Из-во: Питер, СПб, 2010. – 312 с.
7. Михайлов Н. Японская жизнь в стиле аниме / Тайны XX века, № 37, 2015. – С. 30–31.
8. Брусенцов Н.П. Аристотелева силлогистика в символической логике Льюиса Кэрролла / Н.П. Брусенцов, Ю.С. Владимирова. /М: – Фонд «Новое тысячелетие», 2011.